

18+

МОНЕТНОЕ СЧАСТЬЕ

РОСТИСЛАВ ЖИЖЧЕНКО

Ростислав Жижченко

Монетное счастье

<https://litres.ru/73871701>

ISBN 9785006978881

Аннотация

Что дороже: папка с акциями или блокнот, полный стихов о тебе? Уютная тюрьма успеха или голодная свобода странствий? Монетное счастье — горькая повесть о цене выбора. Два друга после одной ночи с девушкой расходятся навсегда: один — в клетку карьеры и семьи, другой — в нищую свободу дорог. Их встреча через годы — жёсткий суд друг над другом. Книга пытается ответить на главный вопрос поколения: что дороже — стабильность в кредит или счастье в рюкзаке?

Содержание

ЧАСТЬ 1. ПОБЕГ	5
Глава 1	5
ГЛАВА 2	11
ГЛАВА 3	18
ЧАСТЬ 2. ВЕРТИКАЛЬНЫЙ МИР	29
ГЛАВА 4	29
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Монетное счастье

Ростислав Жижченко

© Ростислав Жижченко, 2026

ISBN 978-5-0069-7888-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Ты гость здесь, Лёха. Красивый, любопытный, желанный гость. Но гость. У тебя есть билет обратный. А у меня... выбора нет».

Из дневников Всеволода Игнатьева

ЧАСТЬ 1. ПОБЕГ

Глава 1

Дождь стучал по жести козырька не каплями, а сплошной ледяной дробью. Город поплыл за мутным стеклом автобусной остановки, расплылся в мареве фонарей и фар. Я прижал её к холодной кафельной стене, заваленной похабными надписями, и мир сжался до точки — до её вздоха, смешавшегося с шипением шин.

— Можно тебя? — прошептал я ей в мочку уха, в крошечное серебряное кольцо.

Это был не вопрос. Это был код доступа, пароль, который мы придумали за час до этого в душном подвальчике, где пахло пивом и влажным свитером. Она не ответила. Ответом был её язык — горячий, с горьковатым привкусом дешёвого вина, и пальцы, вцепившиеся в мой кожаный пояс так, будто я был единственной точкой опоры в этом падающем мире.

Она оторвалась, запрокинула голову. Стриженные пепельные волосы слиплись на висках. Капли дождя стекали по её шее, исчезая в вырезе чёрного платья.

— На пару ночей? — её голос был хриплым от крика под музыку.

— И снов, — выдохнул я, целуя мокрую кожу под челю-

стью. — На столько снов, сколько поместится.

Она рассмеялась, и этот смех перебил гул города, вой сирены где-то вдали. Мы были двумя пьяными пиратами, укравшими лодку посреди шторма. Нас не было в списках пассажиров.

— Они смотрят, — сказала она, но не отстранилась.

Я поднял взгляд. За стеклом остановки, в тёплом жёлтом свете салона, сидели трое. Пожилая женщина с авоськой, косившаяся на нас с праведным гневом. Подросток в наушниках, равнодушно уставившийся в телефон. И мужчина в деловом костюме — он смотрел прямо на нас. Не осуждающе. С тоской. Как на уходящий поезд, на который он опоздал.

Смотри, смотри, — подумал я. Вытаскивай свои секреты из наших карманов. Мы и сами не знаем, что там.

Я показал ему язык. Девушка фыркнула.

— Ты ненормальный.

— Это комплимент?

Автобус, брызжа грязью, подкатил к остановке. Двери со вздохом раскрылись. Тёплый спёртый воздух, пахнущий мокрой шерстью и усталостью, ударил в лицо. Мы оторвались друг от друга. Мир снова распахнулся, шумный и требовательный.

— Едем? — она кивнула на автобус.

В салоне было безопасно. Сухо. Предельно понятно. Можно было доехать до её дома, до моей общаги, до конца маршрута, где всё встанет на свои места: она станет просто девуш-

кой с завтрашной парой, я — парнем с невыполненным кур-сачом.

Я взял её за руку. Холодные пальцы сжались вокруг моих.
— Нет.

Я рванул её за собой, выскочил из-под козырька обратно в объятия ливня. Ледяная вода хлестнула по лицу, затекла за воротник. Мы бежали по пустынному проспекту, обливаясь смехом и брызгами из-под колёс редких машин. Бежали не от чего-то. К.

Куда? Не знали. Главное было — движение, этот безумный ритм, выбиваемый сердцами и подошвами по мокрому асфальту. Мы свернули в арку, во двор-колодец. Здесь пахло мусорными баками и сырой штукатуркой. Но над нами, в разрыве между крышами, висело чёрное, промокшее насквозь небо, и оно было бескрайним.

Я прижал её спиной к холодной кирпичной стене. Мы оба тяжело дышали. Пар от дыхания смешивался в одном облаке.

— Куда мы прибежали? — спросила она, и в её глазах танцевали огоньки с улицы.

— В будущее, — сказал я. — На пару минут вперёд.

И снова поцелуй. Уже не торопливый, не украденный. Занявший своё законное место здесь и сейчас. Мои руки нашли её бёдра под тонкой тканью платья. Её ладони забрались мне под мокрую футболку, касаясь рёбер, и от каждого прикосновения по коже бежали мурашки — не от холода.

Я оторвался, чтобы вздохнуть, и упёрся лбом в холодный кирпич рядом с её головой.

— Меня зовут... — начал я.

Она приложила палец к моим губам.

— Не надо. Не сейчас. Давай просто будем. Тёплыми пальцами на плече. Солнцем, что жжёт висок завтра утром.

Я закрыл глаза. Она была права. Имена, биографии, должности — всё это был мусор, который мы смыли с себя этим дождём. Осталось только это: две тени в проходном дворе, два набора нервных окончаний, два голодных рта.

Где-то далеко хлопнула дверь подъезда. Мы замерли, прислушиваясь. Но шаги удалились в другую сторону.

— Холодно, — прошептала она, и её тело содрогнулось мелкой дрожью.

Я снял с себя промокшую насквозь кожаную куртку — тяжёлую, как доспехи, — и накинул ей на плечи. Запах мокрой кожи, табака и моего дезодоранта. Она укуталась в неё, подняв воротник.

— А ты?

— Я огнедышащий, — пошутил я. — Мне не холодно.

Это была правда. Внутри горел костёр, разведённый её взглядом, её смехом, её «можно».

— Знаешь, что я хочу? — она прижалась ко мне, и её голос прозвучал прямо у меня под сердцем.

— Что?

— Хочу, чтобы этот дождь шёл вечно. Чтобы автобусы все

сломались. Чтобы город забыл про нас.

Я не ответил. Просто держал её, чувствуя, как её дрожь постепенно стихает, растворяясь в моём тепле. Мы простояли так, может, минуту, может, десять. Время сбросило счёт. Оно текло не вперёд, а по кругу, замыкаясь в нашем дворе.

Потом она выдохнула и отстранилась. Глаза её были серьёзными.

— У меня завтра в девять практика. А у тебя?

У меня было «ничего» и «всё» одновременно. Курсовая, которую я забросил. Встреча с другом, который звал махнуть в понедельник на Кавказ. Жизнь, которая ждала за стенами этого двора.

— У меня есть сейчас, — сказал я.

Она улыбнулась улыбкой, которая была обещанием и прощанием в одном флаконе.

— Тогда давай потратим его без остатка.

Мы вышли из арки обратно в свет фонарей. Дождь уже стихал, превращаясь в мелкую морось. По проспекту, освежающе пустому, шёл последний ночной трамвай, позванивая на стыках рельс. Мы погнались за ним, как дети, и вскочили на подножку уже на ходу, едва уцепившись за поручни. Контролёра не было. В вагоне, пахнущем озоном и старым деревом, были только мы да полусонная вагоновожатая за перегородкой.

Мы упали на деревянное сиденье, обнявшись, мокрые, смешные, счастливые. Трамвай, поскрипывая, повёз нас в

неизвестном направлении, мимо тёмных витрин, спящих парков, мостов. Мы молчали. Говорили наши руки, переплетённые пальцы, её голова на моём плече.

Она уснула на пятой остановке. Я не спал. Я смотрел в чёрное окно, где отражалось наше смазанное двойное изображение, и ловил себя на мысли, что хочу запомнить этот момент навсегда. Запомнить её вот такой — спящей, с ресницами, слипшимися от дождя, в моей огромной куртке. Запомнить себя — этого мокрого, безумного, верящего в бесконечность ночи парня.

Это и было тем самым «можно». Краденым временем. Поцелуем, вырванным из пасти уходящих часов. Мы уже начали писать свою историю, даже не зная, чем она закончится. Или — чем она закончилась для нас десять лет спустя, когда я, сухой и в костюме, буду смотреть на спящего в трамвае незнакомца и вдруг, остро, как удар под дых, вспомню вкус того дождя на её губах.

Трамвай звякнул, замедляя ход. Конечная.

ГЛАВА 2

Мы вышли на конечной — в районе, где город обрывался пустырями и пятиэтажками-«хрущёвками». Дождь окончательно прекратился, оставив после себя хрустальную, звенящую тишину и лужи, в которых тонули отражения редких фонарей.

Она проснулась сразу, как только трамвай дёрнулся на последнем стыке рельс. Открыла глаза — сонные, незащищённые — и на секунду не поняла, где она. Потом увидела меня, и в уголках её глаз собрались лучики.

— Мы где?

— На краю света, — ответил я, помогая ей подняться. — Или в его центре. Зависит от точки зрения.

Мы побрели по пустому асфальту, не зная дороги. Наш путь определяли случайные повороты: налево, потому что там пахло сиренью из чьего-то палисадника, направо, потому что хотелось увидеть, что там, за гаражами. Я всё ещё был в одной мокрой футболке, но холод отступил перед странной, внутренней лихорадкой. Каждая клетка пела.

— Замёрзнешь, — сказала она, сняв с плеч мою куртку. — Надевай.

— Не отдам. Тебе идёт.

В итоге мы натянули её вдвоём, как одеяло, засунув руки в одни рукава. Шли, спотыкаясь, как сиамские близнецы, и

ржали над собственной нелепостью. Мы были единым четырёхногим, многоруким существом, только что родившимся на этой мокрой от дождя планете.

— Смотри, — она указала под ноги. — Лёд.

Последние лужицы схватились тонким хрустальным ледком по краям. Я аккуратно наступил ботинком на край одной из них. Раздался звонкий, чистый хруст.

— Мне нравится этот звук, — прошептала она. — Звук зимы, которая сдаётся.

Мы стали крушить лёд на всех лужах по пути, устраивая тихий бессмысленный погром. Хруст, треск, брызги ледяной крошки. Это было так же важно, как и наш поцелуй час назад. Так же безответственно. Так же прекрасно.

Наконец, мы вышли к пятиэтажке, отличавшейся от других только выцветшей вывеской «Комнаты посуточно» над запертой стеклянной дверью. Рядом горел единственный жёлтый глаз окна — дежурка.

Комната оказалась на последнем, пятом этаже, в конце длинного коридора, пахнувшего хлоркой, тлёным ковром и чужими жизнями. Ключ скрипел в замке, будто протестуя против нашего вторжения.

Внутри было то, что и должно было быть: опустошённая коробка мира. Две односпальные кровати, придвинутые друг к другу. Тумбочка с окурками в стеклянной пепельнице. Зеркало в пожелтевшей пластиковой раме. Коврик с вытертым оленем. И окно — огромное, от пола почти до потоло-

ка, занавешенное старой полупрозрачной тюлью.

Она первым делом подошла к окну и отдернула занавесь.

— О, боги, — выдохнула она.

Я встал рядом. Окно выходило не на улицу, а в чёрную бездну — пустырь, а за ним начинались поля, уходящие к тёмному лесу на горизонте. И над этой тьмой — небо. Не городское, засвеченное, а настоящее. Глубокое, бархатное, усыпанное звёздами до самого края земли. Млечный Путь висел над крышами гаражей, как забытый кем-то серебряный шарф.

Мы молча смотрели, прислонившись лбами к холодному стеклу. В этой комнате, пахнущей одиночеством, вдруг открылась вселенная.

— Можно тебя? — её голос прозвучал тихо, но отозвался эхом во всей этой пустоте.

Я обернулся. Она уже смотрела не в окно, а на меня. В её глазах отражались те самые звёзды.

— На что? — спросил я, хотя знал ответ.

— На всё.

Мы раздевались не спеша. Мокрая одежда падала на пол с тихим шлёпком, образуя архипелаг островов на линолеуме. Холодный воздух комнаты касался кожи мурашками. Но мы уже горели изнутри. Мы были двумя кострами, которые вот-вот должны были слиться в один пожар.

Она оказалась хрупкой, почти прозрачной в синеватом свете, падающем из окна. Рёбра проступали под кожей, клю-

чицы были острыми, как крылья. Я боялся дотронуться — сломаю. Но она сама притянула мои руки к себе, положила свои ладони поверх них и повела.

«Вот здесь», — говорило её тело. И здесь. И вот тут особенно.

Мы не ложились. Мы медленно опускались на эти две сдвинутые кровати, которые закрипели под нами жалобным хором. Звёзды в окне были нашими свидетелями. Они не моргали, они просто смотрели. Им, выдавшим рождение галактик, была интересна наша маленькая земная геометрия: переплетение конечностей, изгиб спины, поцелуй, растянувшийся во времени, как свет далёкой звезды.

Мы выстроили ритм. Сначала неуверенный, спотыкающийся, как наш бег по лужам. Потом он нашёл себя. Стал ровным, глубоким, неотвратимым, как прибой. Всё в комнате подчинилось ему: скрип пружин, наше дыхание, даже тиканье будильника на тумбочке — всё билось в такт.

Я смотрел на её лицо, залитое лунным светом. Оно было искажено не болью, а концентрацией — предельным вниманием к тому, что происходило здесь и сейчас. Она ловила каждое ощущение, как бабочку, чтобы запомнить. И я ловил. Запоминал шелковистость кожи на внутренней стороне её бедра. Звук, который она издала, когда я коснулся языком её ключицы. Вкус её пота — солёный и сладкий одновременно.

Потом мы лежали, глядя в потолок, и дымились, как потухшие, но ещё тёплые костры. Я чувствовал, как бьётся её

сердце у меня под ребром — частый, отчаянный стук маленькой птицы. Постепенно он замедлялся, успокаивался, сливался с моим.

— Как тебя зовут? — спросил я потолок.

Она повернула голову. Её волосы пахли дождём и нами.

— Мари, — сказала она. — А тебя?

— Алексей.

Мы обменялись именами, как паролями на следующем уровне. Теперь мы были не просто двумя телами в ночи. Мы были Алексей и Мари. Это было и страшно, и неизбежно.

— Алексей, — попробовала она имя на вкус. — Лёша.

— Мари, — ответил я. И этого было достаточно.

Она приподнялась на локте, и тень от её силуэта упала на стену — великанша в царстве потрескавшихся обоев.

— Знаешь, что я хочу сейчас?

— Что?

— Чаю. Горячего. И закурить.

Мы поднялись, нашли на подоконнике смятую пачку «Беломора» и две скрученные вручную сигареты. Зажигалка не срабатывала с первого раза. Наконец огонёк вспыхнул, осветив на мгновение её лицо изнутри — скулы, размытые контуры губ. Мы затянулись одновременно, и дым смешался над нашими головами в одно облако.

Чайника не было. Мы пили воду из-под крана в жестяной кружке, стоя у окна и глядя на звёзды. Вода была тёплой, с привкусом ржавых труб. Это был самый лучший чай в моей

жизни.

— Я, наверное, должна сказать что-то умное, — прошептала Мари, положив голову мне на плечо. — О быстротечности мгновения. О том, как мы красивы и обречены.

— Не надо, — сказал я. — Давай просто будем тихими.

Мы и были тихими. Мы были самой тишиной вселенной, которая смотрела сама на себя через призму этой комнаты, этих двух тел, этого дыма. За окном где-то закричала сова — дико, тоскливо. И этот крик вписался в нашу тишину, стал её частью.

Потом мы снова оказались в постели. Уже не со страстью, а с нежностью, которая была страшнее любой страсти. Мы исследовали друг друга медленно, как первооткрыватели незнакомой страны. Каждый шрам (у меня — на колене, с велосипеда, у неё — тонкая ниточка на запястье). Каждую родинку. Каждый изгиб.

Я уснул, кажется, первым. Уснул с ощущением её дыхания на своей груди. Это дыхание стало моим личным метрономом, ритмом, под который отныне должен был биться мой мир.

А проснулся я от того, что она встала. Свет за окном был уже не звёздным, а свинцово-серым — предрассветным. Она стояла у окна, накинув на голые плечи мою куртку, и смотрела на просыпающийся пустырь. Силуэт её был хрупким и бесконечно одиноким.

— Мари? — хрипло позвал я.

Она обернулась. Улыбнулась. Но в этой улыбке было что-то новое — отстранённость, лёгкая печаль. Как будто она уже начала отдаляться, возвращаться в тот мир, из которого мы сбежали.

— Рассвет скоро, — сказала она просто.

И я понял, что наша ночь, наше «можно», наш побег — заканчиваются. Закончились. Оставались только мы в этой комнате, пахнувшей теперь нами, дымом и секретом. И огромное холодное утро за стеклом.

Я протянул к ней руку.

Она посмотрела на неё, потом на меня. И сделала шаг вперёд.

ГЛАВА 3

Свинцовый рассвет разбил нашу хрустальную ночь вдребезги. Он вполз в комнату серым безжалостным светом, выхватывая из темноты уродливые детали: пятно на потолке, трещину на стене, наш островок из сброшенной одежды на линолеуме — теперь это выглядело не романтичным хаосом, а беспорядком.

Мари уже не было у окна. Я услышал шум воды в смесителе за тонкой стенкой. Встал. Пол был холодным и липким. Я натянул джинсы и, пошаркав босиком, вышел в коридор. Дверь в крошечный санузел была приоткрыта. Она стояла, склонившись над раковиной, и умывалась, смывая с лица следы ночи, мои поцелуи, нашу общую историю. Спи-на её была напряжена, лопатки выступали, как недоразвитые крылья.

— Ты не мог бы... — она не обернулась, голос прозвучал приглушённо из-за полотенца, которым она вытирала лицо.

Я понял. Закрыв дверь. Прислонился лбом к прохладному дереву. Из-за двери доносились сдержанные звуки: шорох одежды, щелчок застёжки, её тихий прерывистый вздох. Она собирала себя по кусочкам. Возвращалась в ту Мари, которой была до меня. Мне вдруг стало дико страшно. Страшнее, чем когда-либо.

Когда дверь открылась, она была уже совсем другой. В

платье, которое высохло и смялось. Волосы поправлены, на лице — нейтральное, почти отчуждённое выражение. Она посмотрела на меня, и в её взгляде промелькнуло что-то похожее на растерянность, но было тут же задавлено.

— Мне к девяти, — сказала она, как будто мы были соседями по подъезду, обсудившими погоду.

— Я... мы можем позавтракать, — выпалил я, чувствуя, как глупо и мелко это звучит на фоне того, что было.

Она покачала головой, доставая из крошечной сумочки смятую двадцатку.

— Должны же мы расплатиться за комнату. Попролам?

Эти слова упали между нами ледяной глыбой. Попролам. Как за билет в кино. Как за пиццу. Я молча вытащил из мокрого кошелька такую же смятую купюру. Наши пальцы не коснулись при передаче.

Мы молча спустились по лестнице, пахнувшей теперь не тайной, а затхлостью. Дежурная, та же самая, что впустила нас ночью, дремала за стойкой. Мы положили деньги на стойку под стеклянную пресс-папье с рекламой пива. Женщина даже не открыла глаз, только кивнула.

И вот мы стоим на пустом асфальте перед пятиэтажкой. Ночь кончилась. На её месте остался обычный серый пасмурный будний день. Где-то далеко завывла газовая горелка на котельной.

— Я... на трамвай, — сказала Мари, указывая подбородком в сторону путей.

— Я провожу.

— Не надо.

Она сказала это не грубо, а мягко. Окончательно. Я видел, как её взгляд уже блуждает где-то за моей спиной, высчитывая маршрут, время, список дел на сегодня. Я был вчерашним днём. Интересным, но закрытым проектом.

— Мари...

Она посмотрела на меня прямо. И в её глазах я наконец прочёл то, чего боялся: сожаление. Не о ночи. А о том, что ночь закончилась, и теперь приходится разбирать последствия.

— Это было... — она искала слово. — Важно. Спасибо.

«Спасибо». Слово-гвоздь в крышку гроба. Я кивнул, не в силах вымолвить что-то в ответ.

Она повернулась и пошла. Не побежала, не обернулась. Просто пошла своей лёгкой упругой походкой, которая теперь казалась мне чужой. Я смотрел ей вслед, пока она не свернула за угол. Потом ещё долго стоял, слушая, как в тишине утра раздаётся скрежет приближающегося трамвая, тихий звон остановки и урчание мотоцикла.

Внезапно я понял, что совершенно один. И что мне нужно куда-то идти. Не домой — в общаге меня ждала только невытая кружка и чувство вины перед курсовой. Мне нужно было к нему. К единственному человеку, который бы понял, что значит украсть кусок вечности и не знать, что с ним делать дальше.

Добирался я до его района на двух трамваях и одном метро, пересаживаясь в полупустых вагонах, где пахло сонной сыростью. В кармане гудел телефон — одноклассники спрашивали, где я, но я выключил звук. Весь мир снаружи казался плоским, бутафорским. Настоящее осталось там, в той комнате со звёздным окном. Всё остальное было лишь фоном.

Он жил на окраине, в районе, который город как будто забыл развивать. Дворы-лабиринты между блочными девятиэтажками, заросшие бурьяном пустыри, гаражи, похожие на броненосцев. Я знал дорогу с закрытыми глазами.

Его подъезд пах, как всегда, — кошачьей мочой, жареным луком и сладковатым дымом от тлеющих в подвале тряпок. Я поднялся на пятый этаж и постучал в дверь с отслоившейся краской особым стуком: три коротких, два длинных.

Из-за двери слышалось шарканье, потом щелчок множества замков. Дверь приоткрылась на цепочке, и в щели показался глаз — карий, немного раскосый, с золотистыми искорками вокруг зрачка.

— А, — произнёс голос, низкий и немного хриловатый.
— Воскрес.

Цепочка упала, дверь распахнулась.

Он стоял на пороге, как будто только что сошёл со страниц какого-то бродячего комикса. Высокий, худой до жилистости. В рваных джинсах, закатанных по щиколотку, и чёрной футболке с потускневшим принтом какой-то панк-груп-

пы. На ногах — никакой обуви, только грязные носки. Волосы — тёмные, выющиеся вихром, — торчали во все стороны, как после сна или долгой поездки на мотоцикле без шлема. Под левым глазом — свежий синяк, цвета перезрелой сливы.

Но главное — это было ощущение, которое он излучал. Ощущение абсолютной, звериной свободы. Он был похож на молодого волка, случайно забредшего в человеческое жильё и пока терпящего его из вежливости.

— Заходи, путник, — он отступил, пропуская меня внутрь. — Как съездил на край света?

Квартира была, как всегда, зоной стихийного бедствия и при этом — уютным логовом. Везде книги — не на полках, а стопками на полу, на стульях, на подоконнике. Гитара без одной струны прислонена к стенке. На столе — остов какого-то радиоприёмника, паяльник, банки из-под консервов с кистями и тюбиками краски. В углу — спальный мешок, развороченный, как гнездо. И запах — сложный, густой: масляная краска, старые книги, табак, ещё что-то травяное и сладковатое.

— Не на край света, — пробормотал я, снимая куртку и понимая, что она всё ещё пахнет ею. Мари. — Просто... заночевал не дома.

— Вижу, — сказал он, пристально глядя на меня. Его взгляд был таким, будто он читал не только моё лицо, но и все мысли, которые метались у меня в черепе. — И лицо у тебя соответствующее. То ли святого, то ли самоубийцы. Чай

будешь?

Он не дожидался ответа, уже шаркая носками к закопчённой газовой колонке, на которой вечно стоял закопчённый же чайник. Я плюхнулся на единственный свободный стул, отодвинув стопку журналов «Вокруг света» за 80-е годы.

— Сева, — сказал я, когда он поставил передо мной жестяную кружку с мутной жидкостью, в которой плавало несколько тёмных листков. — У меня... что-то случилось.

Сева (полное имя — Всеволод, но он терпеть его не мог) сел на пол напротив, скрестив ноги по-турецки. Достал из кармана смятую пачку «Примы», протянул мне. Я взял. Он прикурил от огромной зажигалки Zippo, на крышке которой был выгравирован компас.

— Рассказывай, — выдохнул он дымом. — Я всё стерплю. Кроме нытья.

И я рассказал. Всё. Про дождь, про остановку, про её смех, про комнату, про звёзды. Про то, как её зовут. Про то, как она ушла утром, сказав «спасибо». Говорил сбивчиво, путаясь, то размахивая руками, то замолкая, глядя в пар от чая.

Сева слушал, не перебивая. Курил. Иногда его взгляд становился острым, цепким, иногда — отстранённым, будто он видел не меня, а что-то сквозь меня. Когда я закончил, он молча докурил, затушил окурочок о подошву своего носка и бросил в пепельницу из консервной банки.

— И? — спросил он наконец.

— И что? — не понял я.

— И что ты хочешь? Вернуть её? Забыть? Написать стихи? Сжечь себя на костре из сожаления?

Я пожал плечами. Я не знал. Во мне бушевал вихрь, но он был бесформенным.

— Я не знаю, Сева. Просто... это было так... реально. А теперь всё снова какое-то картонное.

Сева усмехнулся — одной стороной рта. Его усмешка была похожа на ту, что я видел у Мари утром: невесёлая, знающая цену всему.

— Поздравляю, — сказал он. — Ты попал. Это оно и есть.

— Что?

— Настоящее. Оно всегда такое. Крадёшь кусок — а потом пытаешься понять, как жить с дырой на том месте, где он был пришит. — Он встал, потянулся, и все его суставы хрустнули, как сухие ветки. — Пойдём.

— Куда?

— Ты же не за тем пришёл, чтобы сидеть в моей берлоге. Ты пришёл за лекарством. А лекарство — движение. Одевайся.

Он натянул на себя потрёпанную армейскую куртку, сунул ноги в грубые ботинки на толстой подошве, не завязывая шнурков. Из рюкзака, валявшегося у двери, он вытащил два яблока, одно сунул мне.

— Ешь. Это завтрак философов.

Мы вышли на улицу. Утро окончательно вступило в свои права. По двору бегали дети, крича что-то неразборчивое.

Бабушки с сумками на колёсиках шуршали пакетами. Сева шёл впереди широким размашистым шагом, и, казалось, весь этот убогий пейзаж преображался вокруг него. Он смотрел на мир не как на данность, а как на материал. Вот забор, на котором можно нарисовать что-то монументальное. Вот гараж с отвалившейся дверью — в нём можно переночевать. Вот бродячая собака — с ней можно поговорить.

Мы вышли на пустырь, где ржавел остов какого-то старого завода. Сева вскарабкался на груды битого кирпича и сел на самый верх, свесив ноги. Я устроился рядом.

— Видишь? — он махнул рукой, очерчивая горизонт с дымящимися трубами ТЭЦ, серыми многоэтажками, паутиной проводов. — Весь этот ужас. Весь этот «склеп», как ты его назвал. А теперь посмотри на небо.

Я поднял голову. Облака разошлись, открыв клочок бледной весенней голубизны.

— Оно никуда не делось, — сказал Сева тихо. — Оно всегда здесь. Просто нужно иногда задирать голову. Или уезжать так далеко, чтобы этой херни не было видно вообще.

Он повернулся ко мне, и его лицо внезапно стало серьёзным, почти суровым.

— Эта твоя Мари... она не ушла. Она дала тебе пинка под зад. Толчок. Ты стоял на месте, а она тебя столкнула с уступа. Теперь ты летишь. Вопрос — разобьёшься о землю или научишься летать.

— А как летать? — спросил я, и мой голос прозвучал жал-

ко, по-детски.

Сева хлопнул меня по плечу так, что я чуть не слетел с кирпичей.

— Очень просто, брат. Перестать бояться падать. — Он прыгнул вниз, поднял с земли ржавую железяку, покрутил в руках и швырнул её в сторону, где она со звоном врезалась в лист шифера. — В понедельник, в семь тридцать. Вокзал. Поедем на Кавказ.

Я замер. Это было не предложение. Это был приговор. Или спасение.

— Я не могу, у меня курсовая...

— К чёрту курсовую, — перебил он спокойно. — Её можно написать за две ночи. А это — нельзя пропустить. Там небо, в которое можно влюбиться. И горы, которые помнят динозавров. Там дует ветер, от которого в груди вырастают крылья. И ещё... — он прищурился, — я там знаю одну девочку. Она делает вино из горных трав. Оно сводит с ума. В хорошем смысле.

Он смотрел на меня, и в его глазах горел тот самый огонь — дикий, свободный, призывающий сжечь мосты. Огонь, который я вчера чувствовал в себе. Огонь, который Мари загла, а потом ушла, оставив его на моё попечение.

— Я... мне нужно подумать, — пробормотал я.

Сева рассмеялся — громко, искренне, так, что эхо отозвалось в ржавых железках пустыря.

— Думать! Классное слово для того, кто хочет остаться в

своей норе. Ладно. Думай. — Он спрыгнул ещё на одну грудку кирпичей и пошёл по ней, как по узкому мосту над пропастью, балансируя, раскинув руки. — Но знай, Лёха. Пока ты думаешь, мир не стоит на месте. Кто-то пьёт это вино. Кто-то целуется под тем небом. Кто-то... запоминает моменты, которые потом будут согревать его в самой говённой жизни. А ты будешь сидеть и думать: «А что, если бы...»

Он обернулся ко мне, стоя на самом краю, на фоне серого неба и уродливых труб.

— Я не хочу в старости сожалеть. Хочешь ты?

Я не ответил. Я смотрел на него — этого вихрастого странного полуголодного зверя — и видел в нём того человека, которым, возможно, должен был стать я. Человека без страха. Человека, который на вопрос «Можно тебя?» всегда отвечает «Да» — жизни, дороге, ветру.

— Ладно, — вздохнул Сева, спрыгнув на землю. — Идём. Покажу тебе кое-что.

Он привёл меня обратно в свой подъезд, но не в квартиру, а в подвал. Там, за грудой хлама, была дверь, которую он открыл каким-то гвоздём. Внутри, в луче света из разбитого оконного проёма, стоял мотоцикл. Не блестящий и новенький, а старый, потрёпанный, заляпанный грязью «Урал» с прицепленной коляской. На бензобаке кто-то нарисовал краской орла с распростёртыми крыльями.

— Это «Борей», — сказал Сева с нежностью, с какой говорят о живом существе. — Он доведёт нас хоть до края све-

та. Если, конечно, не развалится по дороге.

Он пнул колесо, и мотоцикл зашатался на подставке.

— В понедельник, Лёха. Семь тридцать. Если не придёшь — поеду один. Но скучно будет.

Он улыбнулся, и в этой улыбке не было упрёка. Была лишь уверенность. Уверенность в том, что я приду. Что не смогу не прийти.

А когда я вышел на улицу один, на прощание крикнул мне:

— И не парься про свою Мари! Если вы друг другу — надо будет, она тебя найдёт. А если нет... то впереди ещё миллион «можно»! Ты только рот раскрой!

Я шёл домой, и слова его звенели у меня в ушах, смешиваясь со вкусом её губ и запахом звёздной комнаты. Во мне бо-ролись два человека. Один — ответственный, испуганный, с курсовой и чувством долга. Другой — тот, который вчера целовался под дождём и хотел, чтобы трамвай вёз их вечно.

И где-то глубоко, под грудой страхов и «надо», уже шевелился ответ. Тот самый, который я дам себе в понедельник утром, стоя перед зеркалом в ванной, глядя в глаза своему отражению и задавая себе единственный важный вопрос.

ЧАСТЬ 2. ВЕРТИКАЛЬНЫЙ МИР

ГЛАВА 4

Я не думал. Я делал.

Вернувшись в общагу, я не стал открывать конспекты. Не проверил почту. Я сел на скрипучую койку, достал из-под матраса скопленные за полгода деньги — не на «чёрный день», а на «день, когда станет светло». Это была пачка мятых купюр, пахнувшая потом от смен на разгрузке вагонов и дешёвым кофе из автомата. Я пересчитал. Хватит на билет туда-обратно и на две недели кавказского ада.

Потом я открыл ноутбук и написал письмо научруку. Не просьбу об отсрочке. Заявление на академический отпуск по семейным обстоятельствам. Ложь вошла в меня легко, как нож в мягкое масло. Я кликнул «отправить» прежде, чем мозг успел выстроить цепь аргументов «против». Электронное письмо ушло в пустоту с тихим свистом, похожим на звук отрезанной верёвки.

И только тогда, когда дело было сделано, меня накрыло. Волна паники, холодной и липкой, поднялась от самого копчика, сдавила живот, сомкнулась на горле. Что я натворил? Курсовая! Сессия! Практика! Голос в голове визжал, как тормозная колодка. Я вскочил, начал метаться по крошечной

комнатке, задевая плечом полку с книгами. Они посыпались на пол с глухим стуком, но я даже не нагнулся.

Я поймал своё отражение в тёмном экране монитора — бледное, с безумными глазами. Тот парень, который вчера целовался под дождём, умер. Его место занял трус, который только что спалил свой единственный мост.

Мне нужно было поговорить с кем-то нормальным. С кем-то, кто вернул бы меня в русло. Я набрал номер отца.

Трубку взяли на третьем гудке.

— Алё? — голос был сонный, хриплый от утренних сигарет. На фоне — привычное позвякивание ложки о кружку.

— Пап, это я.

— Лёха? Что случилось? — Отец сразу насторожился. В нашей семье «случилось» было самым частым словом.

— Да так... — я сел на пол, прислонившись спиной к горячей батарее. — Решил немного передохнуть. От учёбы.

Наступила пауза. Я слышал, как он делает глоток чая, выдыхает.

— Передохнуть, — повторил он без интонации. — Деньги кончились? Опять на какую-то ерунду потратил?

— Нет, деньги есть. Просто... устал. И друг зовёт. Поехать. На юг.

Пауза стала длиннее и гуще.

— Друг, — произнёс отец с лёгким ядовитым шипением. — Это не тот ли, который... как его... Славка? С дикими волосами?

— Сева.

— А, Сева. Бездельник. — Отец выдохнул дым прямо в трубку. — Он-то, понятное дело, нигде не учится. Ему делать нечего. А ты, извини, не дворянин. Тебе пробиваться надо. Место под солнцем. А не по кабакам да горам шляться.

Каждый удар был точен и привычен. Я сжал телефон так, что хрустнул пластик.

— Это не кабаки, пап. Это...

— Это что? — отец перебил. Его голос заострился. — Жизнь? Настоящая жизнь, да? А работа, учёба — это не жизнь, это так, прозябание. Я тебя правильно понял?

Я молчал. В груди kloкотало что-то горячее и беспомощное.

— Слушай сюда, Алексей, — отец перешёл на свой «инструктажный» тон. Тон человека, который застрял на заводе на тридцать лет и теперь знает устройство вселенной. — Твоя мать (дай бог ей царствия небесного) с двумя работами горбатилась, чтобы ты в университет поступил. Я после смены так уставал, что с порога валился, а всё равно проверял, уроки сделал или нет. А теперь ты — раз! — и взял «академ». Из-за какого-то Севы. Из-за «усталости». Ты хоть понимаешь, что завтра будет? Кем ты будешь? Без диплома, без профессии? Как я? — Его голос дрогнул, но тут же осел в привычную горькую твёрдость. — Подумай. Взрослей, наконец. Позвони этому своему научному руководителю, извинись, скажи, что ошибка вышла. И садись за книги. Ясно?

«Ясно». Это слово висело в воздухе тяжёлым чугунным колоколом. Я видел перед собой его лицо — осунувшееся за последние годы, с глубокими складками у рта, с вечным налётом усталости в глазах. Он был прав. Прав со своей колокольни, с которой виден только один путь: вытерпеть, выдюжить, вписаться.

— Ясно, — выдавил я.

— Молодец. Звони, если что. Деньги нужны — скажи.

Он положил трубку. Я сидел на полу, прижав ладонь к горячей батарее, пока боль не стала невыносимой. Голос отца растворился, но оставил после себя осадок — густой, как мазут. Чувство вины. Предательства. Не его — а маминой памяти, его ожиданий, той самой «правильной» жизни, которую они для меня выстрадали.

Я поднялся, подошёл к окну. Во дворе общаги два студента, обнявшись, шли с лекции, что-то весело обсуждая. У них были планы на сессию, на летнюю практику, на будущее. У меня теперь был понедельник. Семь тридцать. Пропасть.

Телефон завибрировал в кармане. Сердце ёкнуло — Мари? Нет. Сева. Сообщение: просто гифка с бегущей по бесконечной дороге собакой и подписью: «Скоро».

Я улыбнулся. Скрипуче, против воли. Он был антидотом. Противоядием от этого удушливого газа «надо» и «должен». Я вышел из комнаты. Мне нужно было дышать. Или задохнуться.

Вечер я провёл в институтской библиотеке. Не за учеб-

никами. Я взял старый, потрёпанный том «Вокруг света» за 1972 год. Листал пожелтевшие страницы с фотографиями горных перевалов, альпийских лугов, лиц людей в странных, несоветских одеждах. Я искал не информацию. Я искал оправдание. И нашёл его в короткой заметке о пастухах в Сванетии. «Они живут так высоко, — писал автор, — что им неведомы проблемы равнинных жителей. Их мир вертикален. Их время измеряется не часами, а движением солнца по узкому ущелью».

Их мир вертикален. Моя жизнь была плоской, как этот журнальный разворот. А мне вдруг захотелось высоты. Риска падения. Хотя бы на две недели.

Когда я возвращался в общагу, меня окликнули.

— Леш! Эй, Керн!

Это был Витёк с моего потока. Будущий успешный менеджер, уже сейчас ходивший в рубашках с галстуком на лекции. Он нагнал меня, хлопнул по плечу.

— Ты чего это на облаках ходишь? Тебе Железнов (наш научрук) вчера на паре чуть не сжевал. Говорит, ты у него последнюю консультацию пропустил. Ты вообще в курсе, что через месяц сдача?

— В курсе, — буркнул я.

— А то. Слушай, мы с Сашкой в субботу собираемся, по проекту архитектуры баз данных будем мозги ломать. Подключайся, а? А то ты как отшельник последнее время.

Я посмотрел на него — на его аккуратную стрижку, на

уверенное сытое лицо человека, который точно знает, какая клетка в его жизни следующая. И вдруг с абсолютной ясностью понял: я не хочу ломать с ним мозги по субботам. Не хочу обсуждать перспективы трудоустройства в «Яндексе». Не хочу быть частью этого ровного, предсказуемого ряда.

— Не смогу, — сказал я. — Уезжаю.

— Куда это? — Витёк приподнял бровь.

— На Кавказ. Друг зовёт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.